

ПИСЬМА ИЗЪ МАРОККО (*).

I.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ИСПАНСКОЙ АРМІИ.

4 февраля н. ст.

Изъ письма моего къ Г***, тебѣ уже извѣстно, что я 21 января н. ст. прибылъ въ испанскій лагерь, гдѣ главнокомандующій войсками, маршалъ о'Доннель, принялъ меня чрезвычайно ласково; также ласково встрѣтили меня и всѣ вообще офицеры, съ которыми я до сихъ поръ имѣлъ честь познакомиться. Но въ дѣлѣ съ непріятелемъ я еще не имѣлъ тогда случая быть: первый шагъ на полѣ сраженія я сдѣлалъ лишь вчера, о чемъ и спѣшу сообщить тебѣ.

31 января, около десяти часовъ утра, по лагерю разнесся слухъ, что Мавры, спустившись съ горъ, готовятся сдѣлать нападеніе; но такъ какъ подобныя слухи уже не разъ оказывались ложными тревогами, то я преспокойно продолжалъ завтракать, когда вдругъ послышался голосъ главнокомандующаго, приказавшаго подать лошадь (**). Я выбѣжалъ изъ палатки, приказавъ сдѣлать и, какъ только мнѣ подали коня, вскочилъ на него и помчался въ свитѣ маршала о'Доннеля. У подошвы горъ

(*) Выдержка изъ писемъ лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго баталіона прапорщика Беккера. Переведено со шведскаго Э. А.

(**) Изъ бельгійской газеты «l'Indépendance» извѣстно, что палатка г. Беккера расположена возлѣ шатра главнокомандующаго.

уже виднѣлись толпы неприятелей, пѣшихъ и конныхъ; всѣ были въ бѣломъ одѣяніи. Наши войска разсыпали довольно тую цѣпь, батареи начали выѣзжать на позицію, — слово дѣло завязалось. Мавры, съ весьма большого разстоянія, открыв огонь, на который мы отвѣчали ружейнымъ огнемъ, подошли къ неприятелю на болѣе близкую дистанцію и учащая выстрѣлы цѣпи на маршѣ по мѣрѣ того, какъ наша застрѣльщицья цѣпь приближалась къ Маврамъ. Испанскіе стрѣлки попадали несравненно лучше Марокканцевъ. Смотра въ зрительную трубу, можно было различить, какъ убитыхъ и раненыхъ одного за другимъ уходили изъ неприятельскаго строя. Гранаты батарей, а въ особенности ракеты увеличивали и безъ того большой беспорядокъ въ толпахъ неприятеля. Несмотря на это, они храбро подѣзжали къ нашей линіи. Одинъ изъ предводителей — въ красномъ плащѣ, съ краснымъ флагомъ въ рукахъ — проѣхалъ вдоль испанской цѣпи въ разстояніи 300 или 400 шаговъ отъ нея и, наткнувшись на топкое мѣсто, по которому далѣе ѣхать неудобно, спокойно повернулъ назадъ и соединился, невредимъ, съ своими товарищами. Сначала Марокканцы, кажется, имѣли намѣреніе обойти нашъ правый флангъ — лѣвый упирался въ рѣку Мадитинъ, берега которой очень топки — но наша кавалерія съ одной батареею заставила неприятеля отказаться отъ этого покушенія. Въ двѣнадцать часовъ, главнокомандующій отозвалъ три эскадрона кирасирскаго полка Эль-Рей (Короля) и одинъ эскадронъ гусаръ съ праваго фланга къ центру, дабы атаковать неприятеля и въ это время выдвинуть одну изъ батарей впередъ. Кирасиры прекрасно исполнили порученіе: атакуя пошедонно, они отбили сбили неприятеля; но первый эскадронъ при этомъ увлекся слишкомъ далеко между горъ, гдѣ разсыпанные въ опушкѣ лѣса неприятельскіе стрѣлки встрѣтили его смертоноснымъ огнемъ съ трехъ сторонъ, а толпа всадниковъ старалась отрѣзать ему отступленіе. Въ это время, эскадронъ гусаръ, замѣтившій опасное положеніе кирасиръ, бросился на неприятеля, опрокинулъ его и тѣмъ открылъ собратамъ путь къ отступленію. Кирасирскій эскадронъ, состоявшій изъ 80 человекъ, при этомъ потерялъ четвертую часть людей и 27 лошадей. Изъ числа офицеровъ половина убита или ранена.

Здѣсь кстати скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ Мавры принимаютъ кавалерійскую атаку. Сначала они подаются впередъ, какъ будто хотятъ встрѣтить противника; но когда это

послѣдній перейдетъ въ карьеръ, то они поворачиваютъ лошадей и начинаютъ стрѣлять, отъѣзжая назадъ къ своимъ стрѣлкамъ, спрятаннымъ поблизости въ кустахъ. Впрочемъ, ружейный огонь ихъ конницы не очень опасенъ, такъ какъ всадники, наравнѣ съ пѣхотой, вооружены ружьями въ три аршина, и даже болѣе, и пистолеты, которыми не легко владѣть на конѣ; кромѣ того, они болѣею частию заряжаютъ ружья мелкими пулями, наравнѣ нашей дробы.

Въ то время, какъ всеобщее вниманіе было обращено на дѣйствія кавалеріи противъ нашего центра, неприятельская конница появилась на нашемъ правомъ флангѣ. Храбрый генералъ Примъ (*), командующій здѣсь войсками, сначала не мѣшалъ неприятелю хозяйничать передъ своимъ фронтомъ, такъ какъ на его флангѣ не было кавалеріи; но дерзость Мавровъ заставила его рѣшиться атаковать ихъ пѣхотою. Онъ обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующими словами:

— Ребята! у меня нѣтъ кавалеріи — вы опрокинете неприятеля. Впередъ, бѣгомъ маршъ.

— Да здравствуетъ королева! да здравствуетъ генералъ Примъ (viva la Reyna, vive el General Prim)! громко раздалось по фронту.

Пѣхота бросилась впередъ — и неприятель бѣжалъ.

Нѣсколько времени спустя, толпа всадниковъ снова показалась у опушки лѣса, и генералъ Примъ послалъ капитана Матурона для приблизительнаго опредѣленія численности неприятеля. Храбрый капитанъ, съ 12 кавалеристами, назначенными въ прикрытіе генералу, такъ неосторожно завлекся впередъ, что вдругъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы Мавровъ. Прикрытый небольшимъ холмомъ, нашъ герой, съ горстью храбрыхъ, бросился на нихъ врасплохъ. Прорвавъ неприятельскую толпу, ему легко было спастись бѣгствомъ; но онъ, предпочитая возвратиться тою же дорогою, вторично пробился, но въ то же время услышалъ голосъ одного изъ своихъ конвойныхъ, который, раненый, попался въ руки Мавровъ. Капитанъ поспѣшилъ освободить его: выстрѣлами своего револьвера положилъ онъ двухъ неприятелей, но, конечно, и самъ бы палъ жертвою своей отваги, еслибъ, въ эту минуту, не подоспѣлъ эскадронъ конныхъ егерей. Желая отмстить Маврамъ за соотчича, капитанъ Матурона, съ остальными 11 человекъ конвоя, преслѣдовалъ ихъ,

(* Генералъ Примъ, любимецъ арміи, молодостию, огнемъ въ глазахъ и рѣчахъ и необыкновенною храбростию, неводно овладѣваетъ сердца.

убили нѣсколькихъ и взялъ въ плѣнъ двухъ человекъ съ двумя лошадьми и оружіемъ. Послѣ такого подвига, у храброго тана сегодня немного болитъ голова.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ, отдѣленномъ отъ непріятеля небольшою мѣстностію, дѣло ограничилось, во все время сраженія, пушечной рестрѣлкою, при чемъ любопытно было посмотрѣть, какъ пушечники Марокканцевъ, не достигая своей цѣли, падали въ болото и раздѣлили воду, будто рыбы, играющія въ озерѣ.

Въ половинѣ четвертаго часа, войскамъ праваго фланга приказано было штурмовать высоты. Пошла пѣхота, съ музыкою и обычнымъ кликомъ: «да здравствуетъ королева!» пѣхотники брали холмы, одинъ за другимъ, не обращая вниманія на непріятельскія пули, которыхъ Мавры не щадили. На вершинѣ горы войска остановились, и такъ какъ маршалъ не думалъ удержатъ высоты за собою, то Испанцы около половины шестаго начали спускаться, слабо преслѣдуемые непріятелемъ. Къ семи часамъ все утихло, всѣ возвратились на свои мѣста, за исключеніемъ тѣхъ, которые — увы! — оставили земное поприще навсегда.

Мы потеряли отъ 300 до 400 человекъ. Въ одной изъ батарей лишь половина прислуги уцѣлѣла; вообще потеря очень не ровна въ разныхъ частяхъ войска.

Послѣ-завтра мы пойдемъ на приступъ марокканскаго лагеря.

II.

ЛАГЕРЬ МАВРОВЪ ПОДЪ ТЕТУАНОМЪ.

3 февраля н. ст.

Съ перваго взгляда на письмо можно вообразить себѣ, что я перешелъ къ непріятелю; но нахожденіе мое въ марокканскомъ лагерѣ объясняется тѣмъ, что лагерь этотъ взятъ Испанцами вчерашняго числа, приступомъ. Послѣднюю ночь мы провели среди сожженныхъ палатокъ, разбросанныхъ снарядовъ и едва остывшихъ труповъ.

Вчера утромъ, въ восемь часовъ, испанскія войска начали выступать изъ своего лагеря, а въ половинѣ одиннадцатаго артиллерія выѣхала на позицію и начала пальбу, на которую непріятель отвѣчалъ съ двухъ батарей, изъ которыхъ одна находилась передъ лагеремъ подъ стѣнами Тетуана, а другая — впереди главнаго лагеря, на горѣ за городомъ. Мавры стрѣляли не-

дурно, но несчастливо, ибо ядра ихъ ложились въ одну сторону, не вредя намъ: въ продолженіе четырехъ часовъ канонады, лишь три человека, лошадь и мулъ были ранены. Наши батареи сначала дѣйствовали не совсѣмъ удачно, но подъ конецъ, когда разстояние уменьшилось, стали попадать хорошо: въ лагерь Марокканцевъ взорвало нѣсколько пороховыхъ бочекъ, что немало увеличало разстройство непріятеля. Орудія ихъ, одно за другимъ, были демонтированы, такъ что, при штурмѣ, Мавры встрѣтили насъ картечью только изъ двухъ орудій. Первую атаку полнокомандующій повелъ на лѣвый флангъ непріятеля. Генералъ Примъ, съ своимъ корпусомъ и каталонскими волонтерами въ головѣ его, штурмовалъ окружающія лагерь баррикады — нельзя иначе назвать ретраншаменты Мавровъ, состоящія изъ густаго плетня, утолщеннаго бревнами — одинъ только батарея были хорошо построены. Мавры, кажется, готовились къ упорному сопротивленію; но, въ одно время съ атакою ихъ лѣваго фланга, одна изъ нашихъ батарей, подавшись впередъ, сбѣжала заѣздъ вправо и взяла непріятеля въ правый флангъ. Мавры пришли въ замѣшательство, довершенное атакою ихъ центра нѣсколькими баталіонами пѣхоты. Опрокинутые повсюду, они отступили, отстрѣливаясь, за исключеніемъ горсти фанатиковъ, защищавшихся отчаянно.

Испанскія войска вели себя превосходно: стоило посмотрѣть, съ какою смѣлостію, съ какимъ рвеніемъ они бросались на непріятеля, который, съ своей стороны, въ рукопашномъ бою, защищался нехудо, что ясно доказывается выбитіемъ у насъ изъ строя, въ теченіе послѣднаго получаса сраженія, до 500 чел. Несравненно болѣе другихъ потерпѣла дивизія о'Доннеля, потерявшая 349 чел. убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 32 офицера. Потерю Марокканцевъ трудно опредѣлить, но, судя по множеству доставшихся намъ труповъ, несмотря на то, что они неохотно оставляютъ своихъ убитыхъ, потеря ихъ должна быть значительна. Наши трофеи состоятъ изъ 9 пушекъ — нѣкоторыя англійскія, другія марокканскія и венеціанскія — а добыча изъ пороха, пуль, отъ 700 до 800 палатокъ цилиндрическо-коническаго вида, частію украшенныхъ рисунками, 20 верблюдовъ, лошадей, ословъ, плащей (bougnas), крупъ, апельсиновъ и, что лучше всего, нѣсколькихъ хорошихъ колодезь, по вновь занятой нами мѣстности.

Итакъ, я вчера въ первый разъ былъ подъ выстрѣлами тиллеріи. Въ началѣ, признаюсь, видѣ выходящаго изъ неприятельской пушки огня производилъ на меня не совсѣмъ веселое впечатлѣніе. Я ждалъ треска выстрѣла, но наконецъ привыкъ до того, что воображалъ себя на маневрѣ, на Военномъ полѣ, въ Красномъ Селѣ. Но вскорѣ загорѣлись палатки Мамуровъ, и я невольно вспомнилъ, что стрѣляли не шути.

Участвуя во фланговой атакѣ, я, говорятъ, велъ себя какъ слѣдуетъ, за что, по окончаніи дѣла, главнокомандующій испанскою арміею, маршалъ q'Доннель, наградилъ меня, «во имя ея католическаго величества» (au nom de sa Majesté Catholique) орденомъ св. Фердинанда, котораго я, однакожь, не ношу, до полученія на то Высочайшаго соизволенія.

Неприятные для меня слухи о мирѣ разнеслись по лагерю. Сегодня прибыла изъ Тетуана для переговоровъ депутація, по словамъ которой городъ готовится къ сдачѣ, ибо Муллей-Аббасъ, казнивъ нѣсколькихъ предводителей Кабиловъ, прогналъ прочихъ, а самъ, съ своими войсками, ушелъ во внутрь страны. Главнокомандующій объявилъ депутаціи, что ежели до десяти часовъ завтрашняго утра городъ не сдастся, то онъ начнетъ бомбардированіе; но я полагаю, что дѣло не дойдетъ до этого: мы во весь день не слышали ни одного выстрѣла, несмотря на то, что расположены подъ самымъ городомъ. Тетуанъ, кажется, не очень хорошо вооруженъ. Генераль Примъ сегодня сдѣлалъ рекогносцировку, въ которой мнѣ случилось участвовать: городъ окруженъ стѣной съ нѣсколькими батареями, вооруженными орудіями, числомъ до 40, и въ центрѣ находится родъ замка Алказаръ, командующій городомъ.

Увидимъ, чѣмъ все это кончится; въ настоящую минуту, красный флагъ еще развѣвается на башнѣ Алказара (*).

В. В.

(*) Тетуанъ, какъ извѣстно, сдался 6 февраля н. ст.